

УРАЛ – ПИСАТЕЛЬСКАЯ
РОДИНА ВИКТОРА АСТА-
ФЬЕВА

ГБУК СО «СОМБ»

2024

Министерство культуры Свердловской области
Свердловская областная межнациональная библиотека

**УРАЛ – ПИСАТЕЛЬСКАЯ РОДИНА
ВИКТОРА АСТАФЬЕВА**

Екатеринбург, 2024

83.3(2Рос=Рус)6

У686

У686

Урал – писательская родина Виктора Астафьева / Министерство культуры Свердловской области, Свердловская областная международная библиотека ; составитель О. И. Калинина. – Екатеринбург, 2024. – 47 с. : ил. – Текст : электронный.

83.3(2Рос=Рус)6

На обложке: именно таким увидел В.П. Астафьева пермский художник Е.Н. Широков накануне переезда писателя из Перми в Вологду.

Изображения заимствованы из открытых источников сети Интернет.

СОДЕРЖАНИЕ

Уральский материал.....	4
Писатель-поэт.....	17
Связь времен	29
Список использованных источников	47

Уральский материал

«Урал в сердце моем, в памяти, и от этого никуда не уйдешь».
Виктор Астафьев

Более 20 лет Виктор Петрович Астафьев прожил на Урале. На Урале началась литературная деятельность Астафьева. Наши места описаны во многих его произведениях, многие из них основаны на реальных событиях.

Город Чусовой – литературная родина известного русского писателя XX века Виктора Петровича Астафьева. В этом городе он жил с 1945 по 1962 годы, здесь он написал свои первые рассказы, стал успешным писателем и получил высшее литературное образование.

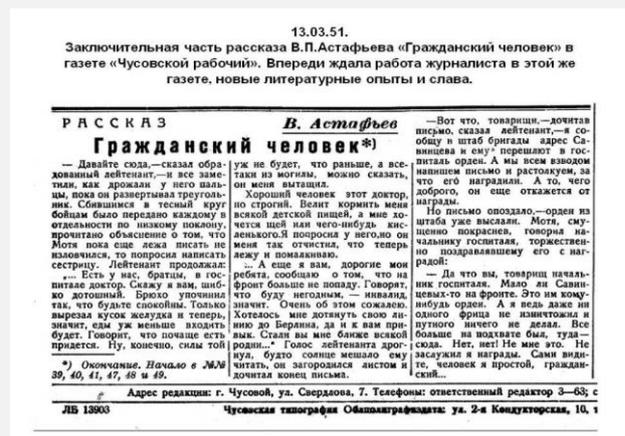
С 1951 года работал в редакции газеты «Чусовской рабочий» писал репортажи, статьи, рассказы, там же впервые был опубликовал свой рассказ **«Гражданский человек»** (впоследствии названный «Сибиряк»). Правдивый рассказ о войне, о фронтовом друге Матвее Савенцеве был напечатан в 7 номерах (февраль – март 1951г.) Именно с

этой публикации начался творческий путь одного из лучших прозаиков XX века.

В.П. Астафьев в своих воспоминаниях пишет: *«Несмотря на все жестокие будни и превратности судьбы – безквартирье, бесхлебье, нищенское существование, я никогда не переставал читать... Надо было преодолевать в себе неуча... следовало из одноклеточного существа превратиться в нормального человека, потом уж откликаться на творческий позыв, существовавший с детства....».*

В 1949г. поступил в школу рабочей молодёжи (ШРМ), стал читателем библиотеки им. А.С. Пушкина. Узнав, что при местной газете «Чусовской рабочий» начинает действовать литературный кружок, пришел на первое же его занятие, которое состоялось 1 декабря 1950 года. На этом занятии бурное обсуждение вызвал рассказ «Встреча», прочитанный начинающим писателем Иваном Реутовым. Возмущенный неправдоподобным описанием сказочных побед героя-летчика и его торжественного возвращения домой Виктор в эмоциональном порыве за одну ночь (с 1 на 2 декабря) в маленькой вахтерской комнате колбасного завода (где работал с сентября 1950г.) написал свой первый рассказ «Гражданский человек». Через 2 недели 15 декабря на следующем занятии литературного кружка он прочел его вслух. Рассказ был воспринят положительно и его решили напечатать в газете как можно скорее, что и было сделано с 25 февраля по 13 марта 1951г.

5

В повести «Весёлый солдат» В.П. Астафьев пишет о Чусовом: *«...Много я тут горя переживу, много испытаю бед и несчастий, но место это уральское, городишко этот, открытый бесхитростным рабочим ликом всем непогодам и невзгодам, всем грозам, градам и ливням,*

прирастёт к сердцу». До последних своих дней не прерывали Астафьевы связи с Чусовской землёй.

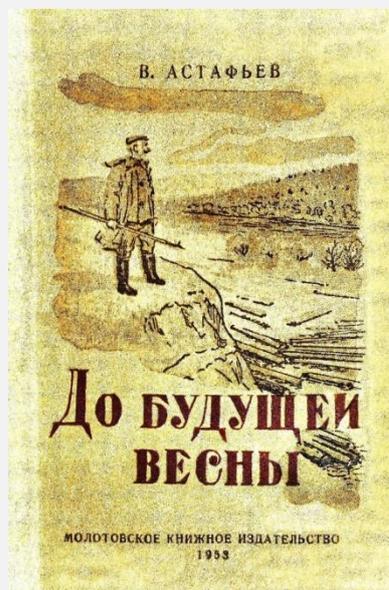
Его первая книга **«До будущей весны»** вышла в городе Перми в 1953 году. Вот что писал Виктор Петрович о подготовке своей первой книги и о том периоде своей жизни в целом:

«Везучий я человек! После первой же поездки в областной центр, после первой же встречи с секретарем отделения и издателями я вез с собой первый издательский договор на книгу.

Нужно ли говорить, как горячо, можно сказать, неистово взялся я за работу, и как трудно двигалось у меня дело. Я штурмовал первую книгу и отбывал тяжелую поденщину в газете, да еще и домишко строил в эту пору, потому что жить сделалось совсем негде.

Спал я тогда не более четырех-пяти часов в сутки и не мог себе позволить отоспаться даже в выходной день, потому как, кроме писания, строительства, занимался я еще охотой и, чтобы совсем не уморить семью голодом, стрелял рябчиков в окрестных лесах...».

6

На фото: Город Чусовой, 1953 год. Астафьев с друзьями отмечает выход первой книги; обложка сборника «До будущей весны» (1953 год)

В 1958 году вышел его первый роман **«Тают снега»**. Роман Виктора Астафьева посвящен сложному послевоенному восстановлению

сельского хозяйства в уральской глубинке. Писатель в дальнейшем назвал роман «прежде времени рожденным» и даже старался «обходить упоминание романа в библиографии своей». Вместе с тем это был тот неоценимый опыт, который позволил писателю перейти к «иным художественным кодам», двигаться к оригинальности в последующем творчестве.

После окончания Высших литературных курсов в 1962 году Виктор Астафьев с семьей переехал в Пермь. Как журналист много ездит по Уралу. *«Пермь осталась в моей памяти городом со строгим музыкальным вкусом, что мне нравилось. Я смотрел все, что показывали в театре оперы и балет. Многие люди из Перми остались в моей памяти, хочется низко им поклониться, так как помогали мне. Конечно, Урал в сердце моем, в памяти, и от этого никуда не уйдешь»*, – высказался как-то писатель в интервью.

Его друг, главный редактор «Пермского книжного издательства» Борис Назаровский, помог писателю купить небольшой дом в уральской деревне Быковка. Сам Астафьев так говорил об этом месте: *«В Быковке не было никаких условий, кроме главного – там мне всегда хорошо работалось. Я здесь один раз за день написал рассказ «Конь с розовой гривой»... Такое редко удавалось, всего 5-6 раз за жизнь. А так – все труд, труд, труд»*, – вспоминал писатель.

Быковский пейзаж. На переднем плане «астафьевский» дом. В настоящее время дом находится на дне водохранилища.

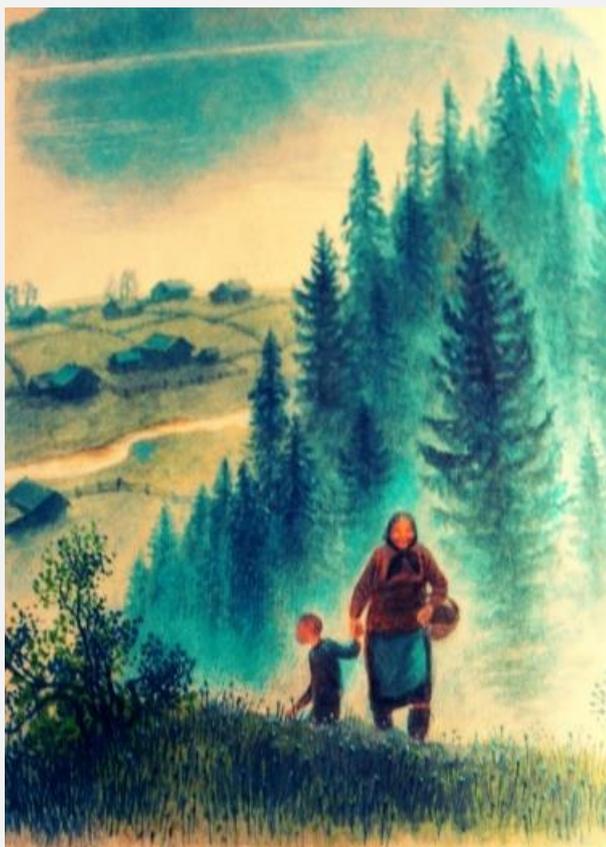
«Породнился я с деревушкой Быковкой и ее обитателями, и, находясь вдали от Урала, нет-нет да и получим мы с женой весточку оттуда: живем помаленьку, тот-то помер, тот-то уехал или собирается уезжать... Когда-то жизнь вокруг Быковки была ключом: был леспромхоз, колхозы, мастерские, линия электропередачи, но как разлилось Камское водохранилище, потопившее необозримую вольность уральских лесов, пойменные луга, пашни, – жизнь на мысу начала сворачиваться ...».

В. Астафьев на быковской рыбалке

Именно в Быковке были написаны такие произведения, как повести **«Кража»** – воспоминание о своем интернатовском детстве; новеллы и рассказы **«Последний поклон»**, **«Зорькина песня»**, **«Гуси в полынье»**, **«Осенние грусти и радости»**, **«Перевал»**, **«Стародуб»**, в которых обозначились ведущие темы его творчества: детство, война и любовь, природа и человек.

«... Мне хотелось внушить людям, что всё, что нас окружает: от зелёной травинки, малой пташки, неба, земли, солнца, – всё-всё это есть часть нашей жизни...», – писал В. П. Астафьев.

Произведения Виктора Петровича Астафьева богаты изображением мира растений Урала. Например, в рассказе **«Зорькина песня»** много названий цветов, трав, деревьев, которые сопровождаются меткими эпитетами: травка «ершистая», сыроежки «рыхлые»: *«Под ногами шуршала мелкая ершистая травка. В ней желтели шляпки маслят и краснели рыхлые сыроежки»*.

Названия деревьев звучат с уменьшительно-ласкательными суффиксами («черёмушка», «сосенка», названия цветов даны в их просторечном варианте: «камнеломки», «повилика» (вьюнок), «дедушкины кудри» (ковыль): *«Местами мы пригибались, чтобы пролезть под наклонившуюся сосенку, по кустам переплетались камнеломки, повилка, дедушкины кудри»*.

О мире бабушкиных сказок напоминает эпитет «большие – пребольшие»: *«Мы запутывались в нитках цветов, и тогда из белых чашечек выливались мне за воротник и на голову студёные капли. Я вздрагивал, ежился, облизывал горьковатые капли с губ, бабушка вытирала мою стриженую голову ладонью или краешком платка и с улыбкой подбадривала, уверяя, что от росы да от дождя люди растут большие-пребольшие»*.

В.П. Астафьев любил цветы, но особенно – цветок стародуб. Писателю очень хотелось перенести на бумагу хотя бы отблеск этого таежного цветка, дать читателю ощутить его запах и цвет. В центре повести **«Стародуб»** событий лежит судьба охотника Култыша, который *«великой светлой любовью побратался с тайгой, берег ее»*.

В этой повести прослеживается равнодушное отношение Култыша к цветам: *«В вешнее разноцветье мальчишка заваливал избушку всякой цветущей всячиной. Придет в избушку Фаефан – на нарах цветы, на столе цветы, под матрицей цветы и даже за ремешком фуражки цветы. Дух цветочный в избушке такой, что с ног валит».*

О стародубе Култыш узнал от своего опекуна Фаефана. Охотник показал этот цветок в лесу и рассказал о том, *«как в давние-давние годы появились в этих краях суровые, ни перед чем не гнущиеся, стойкие люди. Они пришли оттуда, где росли дубы, где росли яблони, груши, вишни и не кедрочей и лиственниц. Они всему дали свои названия и самый целебный и красивый цветок назвали в честь любимого дерева – дуба. Так цветок этот, желтый и духмяный, сделался постоянной, неумираемой памятью о родном, навсегда потерянном крае. Сменялись поколения, умирали люди, исчезли те, кто притеснял и кого притесняли за приверженность к старой вере, но каждую весну зажигались ясным огнем по всей Сибири стародубы и роняли семена, чтобы никогда не переставала цвести земля, чтобы сердце человека наполнялось соком и духом ее и не истлевала в нем память о том крае, который его родил».*

10

Любовь, с которой Астафьев рассказывает про тайгу, чувствуется в каждой фразе. В ней нет надрыва, пафоса, переигрывания. Тайга становится суровым судьей человеческим грехам. Если не умен, жа-

ден, самолюбив – не даст второго шанса, унесет жизнь. Если сумел постичь закон жизни, не взял у тайги лишнего, не тронул слабого зверя – тайга отплатит добром: *«С длинных игл кедровника, духовитых и мягких, скатывались росные дробинки в седой мох. Лиственницы распушили мягкие зеленые кисточки и сомлело замерли, боясь шевельнуться. На мхах бездымно горели кисти брусники, и сплошь пятнали землю блестящие от росы, разноцветные грибы сыроежки. Покой в тайге. Благодать!»*.

Бабушка писателя – это мы узнаем из **«Последнего поклона»** – была травницей, *«пользовала деревенский люд корешками, настоями и луковками трав, среди которых первенствовал стародуб (адонис)»*.

Астафьев считает, что именно она и *«посодействовала тому, что из всего сибирского лесного, цветного изобилия я еще в детстве выделил и навсегда полюбил цветок стародуб... навевающий на меня какое-то утешающее, задумчивое настроение, заставляя вроде бы вспомнить что-то забытое людьми, задуматься о судьбе нашей, о себе, вечности»*.

Писатель вспоминает: как только начал «сочинительствовать», у него возникла потребность изобразить что-то «возвышенное и таинственное, связанное с этим цветком:

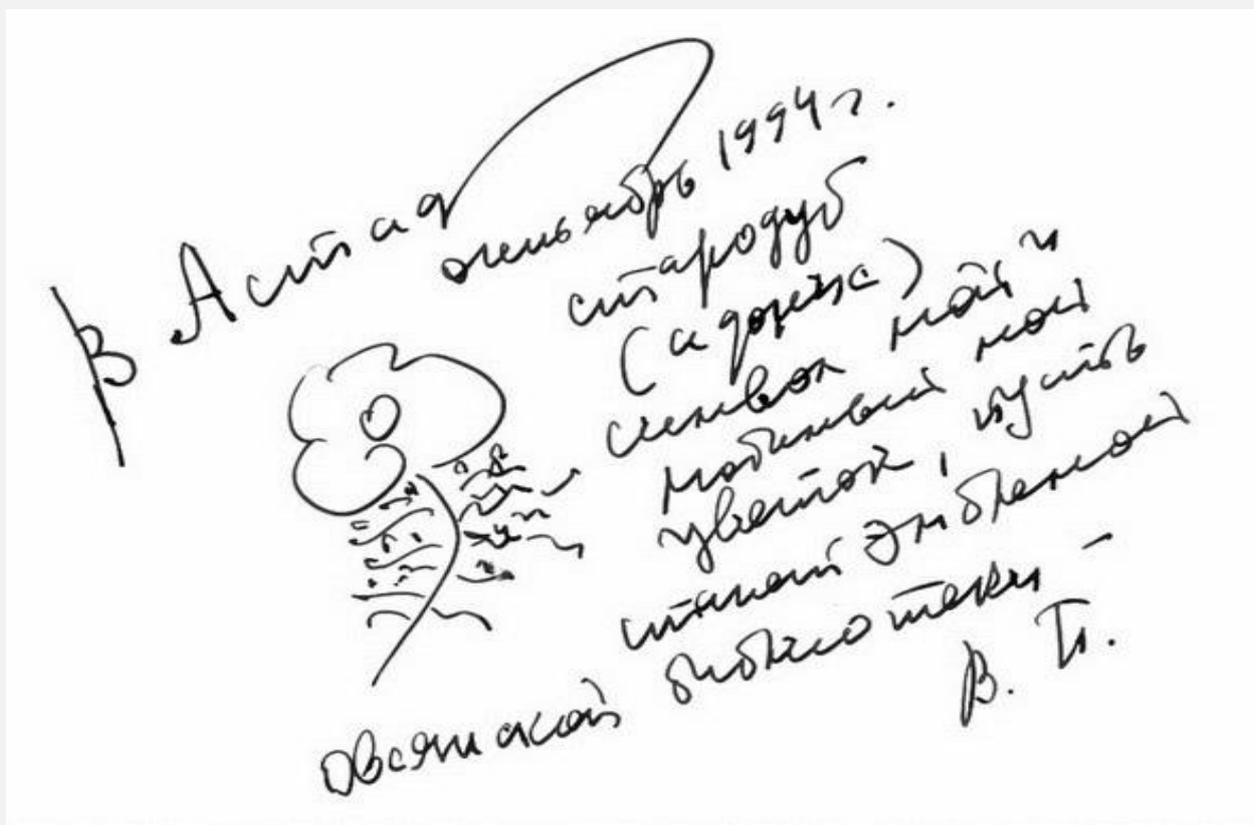
«...я попробовал написать этюд о цветке и только о цветке. Уже по наброску я понял, как бессильно слово перед могуществом природы, как много надо учиться и уметь, чтобы хоть отблеск таежного цветка, запах дремучих веков, таящийся в нем, пусть отдаленной струйкой просочился бы на бумагу...».

Именно со «Стародуба» в повествованиях Астафьева впервые появляются герои, по-особенному чувствующие природу, старающиеся не нарушить ее гармонию, уважающие ее законы. Можно сказать, что Култыш – это прообраз Акима из «Царь-рыбы», которая будет написана спустя почти 20 лет.

Всего через несколько лет у молодого писателя выходит уже первое издание за рубежом, в Праге, а название книге дает включенная в него повесть «Стародуб».

Интересно, что особое отношение к стародубу у писателя сохранилось на всю жизнь. По воспоминаниям современников Виктора Пет-

ровича, порой он, ставя свой автограф на книге, рисовал рядом и свой любимый цветок.

«Я тянулся ко второй моей и неизменной матери – земле. И жизнь предоставляла мне постоянную возможность быть на природе и с природой». В. Астафьев

В Перми Виктор Астафьев создал первую редакцию одного из главных своих произведений – повести о любви во время войны **«Пастух и пастушка»**. Сам автор называл это произведение современной пасторалью.

По словам самого Виктора Петровича, есть немало произведений, которые написаны на уральском материале, изображенные образы, характеры встречены на Урале, например, рассказы **«Яшка-лось»**, **«Синие сумерки»**, много детских рассказов.

Рассказ В.П. Астафьева **«Яшка-лось»** является отличным примером такого поведения человека, позволяет задуматься, дает ответы на сложные вопросы о жизни человека в обществе и о взаимоотношениях с «братьями нашими меньшими».

Писатель утверждал: *«Кто безжалостен, жесток к природе, тот безжалостен и жесток к человеку»*.

Рассказ **«Синие сумерки»** начинается с описания синих сумерек, времени, по мнению автора, в котором «рождаются ангелы и умирают грешники»:

«Где-то я слышал, будто в час синих сумерек рождаются ангелы и умирают грешники. Умирают, стиснув зубы, без стопа, чтоб не потревожить печальную тишину.

Стихает утомленная земля, останавливается ветер, перестают раскачиваться и мерзло скрипеть осинники. Верующие молятся в кончину дня, шелестя обветшалыми молитвами, а люди, отрешенные от веры, думают, вспоминают, если есть у них вспоминать что-нибудь хорошее. В синих сумерках хочется думать только о хорошем и еще умереть хочется или очиститься.

В такое вот синее предвечерье сидел я, привалившись плечом к косяку, на пороге охотничьей избушки, заблудившейся в еловой парме, глядел на тайгу, расслабленно впитывал в себя тишину».

13

Автор размышляет о жизни села, о социальной несправедливости, о собачьей верности и человеческом вероломстве. Собака, предстает в произведении в качестве источника и средства художественного осмысления окружающего мира. Астафьев за историей собаки показал жизнь в мире людей, поделенных на две неравные части: на хозяев, которые жестоки с ней (Сухонин), в ком таится злоба на все живое, будь то человек или животное, и на других (лесник Григорий Ефимович) – тех, которые любят ее, заботятся о ней, как бы искупая все преступления, совершаемые человеком не только по отношению к «низшему» существу, но и по отношению себе подобному – человеку.

Астафьев много писал об уральском крае. Например, в рассказе **«За синими горами»** Виктор Петрович повествует о том, как рыбачил на реке Яйве: *«Нет, не похожа Яйва на те уральские реки, где мне приходилось бывать. Обычно они сжаты со всех сторон горами, виляют из стороны в сторону, загибаясь во множество кренделей. Яйва – река упорная. Она если и изгибается, то по-своему».*

Действие рассказа **«Ягоды для папы»** также происходит на уральской реке Чусовой, по которой семья Астафьевых спускалась на лодке от поселка Кын.

«...Я принял ягоды от дочки и уткнулся в них лицом. Ах ты, Боже мой, как слабо слово и перо, чтобы выразить и мои чувства, и запах ягод, который я вдохнул. Чем они пахли, эти ягоды, всюду по России растущие, и здесь, на старых недорубах, одарившие радостью мою родную артель? Если есть запах у зари, то пахли они более всего зарёй, утренней, алой, тихо сияющей. Если может пахнуть летняя земля, они впитали от неё самые тонкие самые откровенные и всё же чуть притаённые ароматы, среди которых ощутичее всех доносило тающим снегом. Этаким тихий весенний вздох. А ещё они пахли всякой земной травкой, всякой былкой, всем, что жило, цвело и пело под летним солнцем в этом, Богом нам подаренном, мире».

Природа и человек, человек и природа – эта тема многих произведений писателя:

«Землю свою люблю и не перестаю удивляться красоте ее, неистощимому терпению и доброте...».

Он посвятил себя профессии писателя и объяснял это так:

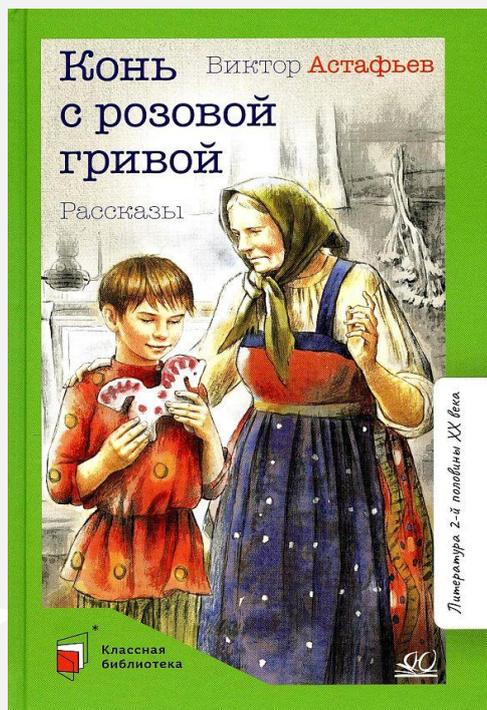
«Я думаю, что здесь три причины. Одна из них – Господь Бог сподобил меня родиться писателем. Вторая – это жизнь, эти драматические события в детстве. Ну, а третья – красота наших мест...».

Виктор Астафьев неоднократно приезжал в Свердловск по издательским делам. Так в издательстве «Уральский рабочий» в 1962 вышел сборник рассказов **«След человека»**:

«...я всегда пишу маленькие вещи о природе, вроде стихотворений в прозе – это для отработки слова, интонации, для тренировки глаза и памяти.

Набралось их порядочно. Я собрал их в книжку и издал её в Свердловске под названием «След человека». Книжку мило издали...».

В 1965 году в Свердловске опубликован сборник рассказов «**Конь с розовой гривой**». История создания произведения тесно связана с жизнью В. Астафьева. В нём отобразились воспоминания писателя о детстве. Кажется, что взрослый человек наблюдает за собой со стороны. Он не просто рассказывает о поступках сорванца-мальчишки, но и анализирует их, подталкивая читателя к серьёзным выводам.

Милосердие, доброта и прощение сделали то, чего не сделало бы самое тяжкое наказание. Поэтому и пишет автор через много лет: *«А я все не могу забыть бабушкиного пряника – того дивного коня с розовой гривой».*

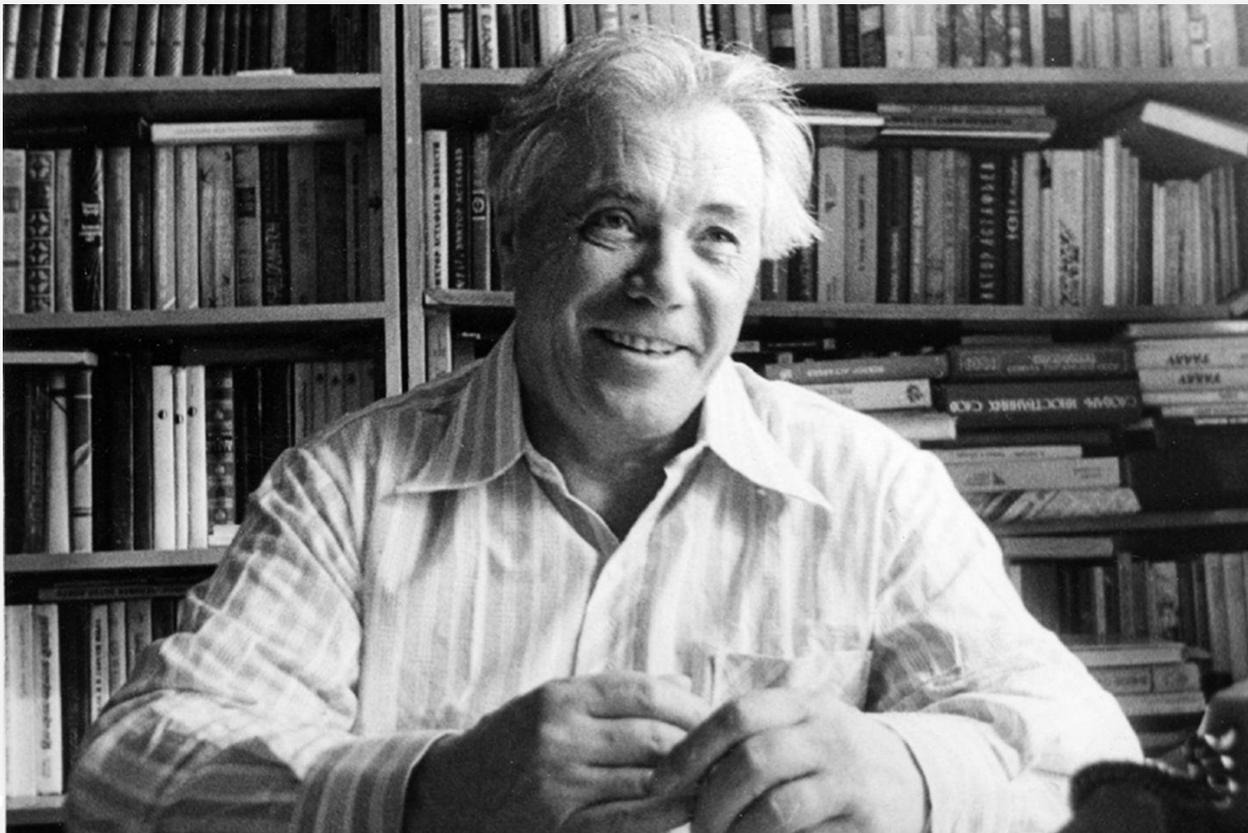
«Это ж мечта всех деревенских малышей. Он белый-белый, этот конь. А грива у него розовая, хвост розовый, глаза розовые, копыта тоже розовые. Бабушка никогда не позволяла таскаться с кусками хлеба. Ешь за столом, иначе будет худо.»

Но пряник – совсем другое дело. Пряник можно сунуть под рубаху, бегать и слышать, как конь лягает копытами в голый живот. Холодея от ужаса – потерял, – хвататься за рубаху и со счастьем убеждаться – тут он, тут конь-огонь!».

Недаром рассказы и новеллы В. Астафьева называют «поэзией в прозе». *«Если у человека нет матери, нет отца, но есть родина – он ещё не сирота. Всё проходит: любовь, сожаление о ней, горечь утрат, даже боль от ран проходит, но никогда-никогда не проходит и не гаснет тоска по родине.... Давно уж нет композитора на свете. Но боль его, тоска его, любовь к родной земле жива до сих пор»*, – рассуждает герой главы «Далёкая и близкая песня» повести «Последний поклон» о композиторе Огинском.

Эти слова в полной мере можно отнести и к писателю Виктору Астафьеву. *«И ожила природа красотою...»* – эти строчки из завещания В.П. Астафьева таят в себе глубокий смысл. Автор пишет, что перед тем, как стать землёю, последний вздох он пошлёт в природу и последней каплей крови поделится с родиной. *«И если осенью увидите на дереве листок вы самый яркий, так, значит, капелька моя в листе том растворилась, и ожила природа красотою, которой отдал я всего себя...»*.

Писатель-поэт

17

Самая сильная сторона писателя Астафьева – поэтическая. Еще в студенческие годы, как и многие, Александр писал стихи, даже печатал их в областных газетах и многотиражке УПИ.

Ах, осень, осень...

*Над Енисеем осени круженье,
И листья светло падают в реку.
И острова плывут, как листьев отраженье,
А сердце рвётся вслед прощальному гудку.
Тревоги нет, а лишь тоска. И горе
Листом увядшим над рекой кружит.
И не слезой, а песней о далёком море
В краю полночном память, память прозвучит.
Ах, осень, осень, зачем так рано,
Зачем так скоро прилетела ты?*

*Зачем ты утренним туманом
Закрыла летние цветы?
И улетают птицы, нами не добытые,
И в небе стон стоит, прощальный стон –
То пролетают годы, нами не дожитые...
Над Енисеем листьев, листьев перезвон...
Ах, осень, осень, зачем так ярко,
В час угасанья ярко светишь ты?
Зачем в груди так холодно, так жарко
От этой неизбывной красоты?*

Виктор Петрович говорил, что прозаики, даже великие, – народ сугубо земной, неотесанный. Другое дело – поэты! Они – существа, подобные детям и ангелам.

«Только поэзии, – писал Астафьев в одном из писем, – да еще музыке дано растревожить в нас самих нам непонятное и никем еще непонятое и необъясненное чувство, в котором тоска по прекрасному, по лучшей своей и человеческой доле, мечты о всепрощении, желание любви и братства... как бы приближаются к тебе, делаются осязаемей, – недаром от музыки и поэзии плачут. Это плачут люди о себе, о лучшем в себе...».

Всякого мало-мальски талантливого поэта Астафьев почитал небесным гостем, которого человечество обязано лелеять. Виктор Петрович знал наизусть сотни стихов поэтов. Мария Семеновна, жена поэта, рассказывала, что писатель очень любил стихи, показывала его знаменитую записную книжку, куда он клеивал аккуратно вырезанные из газет и журналов понравившиеся ему стихи, либо переписывал их собственноручно на свободные страницы. Александр Пушкин, Николай Гумилев, Осип Мандельштам, Сергей Есенин, Николай Рубцов, Сергей Шмитько...

Публиковать свои стихи в дальнейшем Виктор Астафьев не стремился, понимая, что весь свой поэтический дар он давно отдал прозе и более всего – «затесям», лирическим миниатюрам, среди которых есть настоящие шедевры.

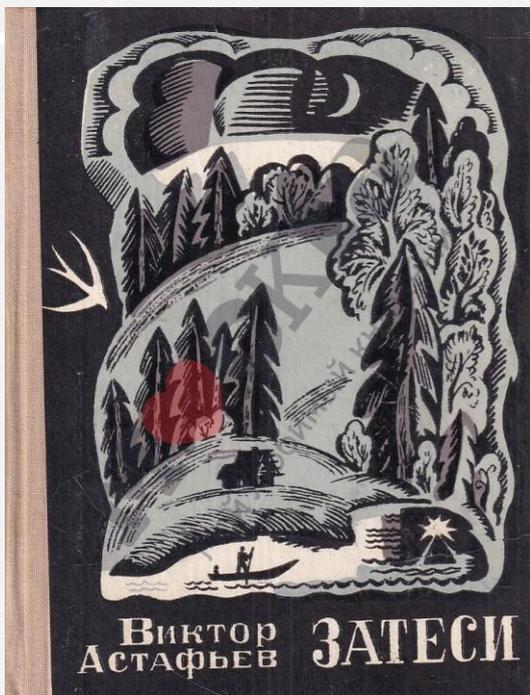
Как сказал литературный критик: «А поэтическое творчество, при взволнованном повествовании, отличает короткое дыхание».

Поэтому самый удававшийся ему жанр – рассказы, которые объединены в книгу **«Затеси»**. Астафьев так это объяснял:

«Затесь – сама по себе вещь древняя и всем ведомая – это стес, сделанный на дереве топором или другим каким острым предметом. Делали его первоходцы и таежники для того, чтобы белеющая на стволе дерева мета была видна издалека, и ходили по тайге от меты к меге...». «В разных концах России название мет варьируется: «зарубы», «затесины», «затески», «затесы», по сибирски – «затеси».

Это цикл поэтических миниатюр, которые объединены одной мыслью автора: «заставить читателя слышать боль каждого». Однажды Астафьев был в храме. На плите, под которой был похоронен царь строитель Давид, есть слова, знакомые каждому грузину: *«Пусть каждый, входящий в этот храм, наступит на моё сердце, чтобы слышал я боль его»*. Автора поразили эти слова до глубины души.

19

В названии книги лежит метафора. Астафьевские «затеси» тоже оставляют зарубки, только в нашем сердце, в душе, в нашей памяти.

Миниатюры В. Астафьева появились одними из первых. Впервые несколько рассказов из будущего цикла «Затеси» были напечатаны в пермской газете «Звезда» (1968) и в еженедельнике «Литературная Россия» (1969), а в 1972 году была впервые издана книга коротких рассказов «Затеси» (М., Советский писатель), который далее неоднократно переиздавался, включая в себя все новые и новые миниатюры. Виктор Петрович создал 293 произведения этого жанра.

В своих малютках-произведениях, как их называл Астафьев, автор беседует с читателем, говорит с ним по душам. Эти «затеси», эти мимоходные зарубки и меты на стволах «древа жизни», хоть немножко, хоть чуть-чуть обозначают читателю просвет впереди, укажут тропинку к собеседнику, утешат в горькой этой жизни. Мы прочтем отрывки из малюток-произведений, написанных в уральский период жизни писателя.

Астафьев создает великолепные словесные, художественные описания беспредельной красоты окружающего мира. В затеси **«Весенний остров»** автор поражается яркости многоцветья:

«...Я увидел впереди остров. В середине острова грудились скалы, меж скал темнели кедрачи, местами выгоревшие, а понизу острова кипел вершинами лес. Берега яркие, в сочной зелени – так бывает здесь в конце весны и в начале лета, когда бушует всюду разнотравье, полыхают непостижимо яркие цветы Сибири. В середине лета, к сенокосу, цветы осыпаются и листья на деревьях блекнут.

Но на подоле острова живая лента зелени! Это только что распустившийся гусятник и низенький хвощ. За ними синяя полоса, окропленная розовыми и огненными брызгами. Цветут колокольчики, жарки, кукушкины слезки, дикий мак. Везде по Сибири они давно отцвели и семя уронили, а тут...

– Весна на острове! Весна!..»

«Весенний остров» увиденный писателем поразил рассказчика тем, что посреди лета цветущий остров был покрыт весенними цветами и молодой зеленью. Этот остров долго под водою, и когда обсохли его берега, -всюду уже было лето и всё отцвело, но он не мог без весны-и из-за это он забушевал, зацвёл яркой радугой среди реки, и ничто не могло сдержать торжества природы. Она радовалась, буйствовала не соблюдая никаких сроков.

21

Автор рисует красу весеннего острова яркими и точными эпитетами: яркие берега, сочная зелень, яркие цветы, живая лента зелени, синяя полоса, окропленная розовыми и огненными брызгами... Поражают глаголы, создающие картину весны: кипел лес, бушует разнотравье, польхают цветы...

«Вспоминая о весеннем острове, я думаю и о нас, людях. Ведь к каждому человеку поздно или рано приходит своя весна. В каком облике, в каком цвете – неважно. Главное, что она приходит».

В затеси «**Синий свет**» активно «работает» олицетворение:

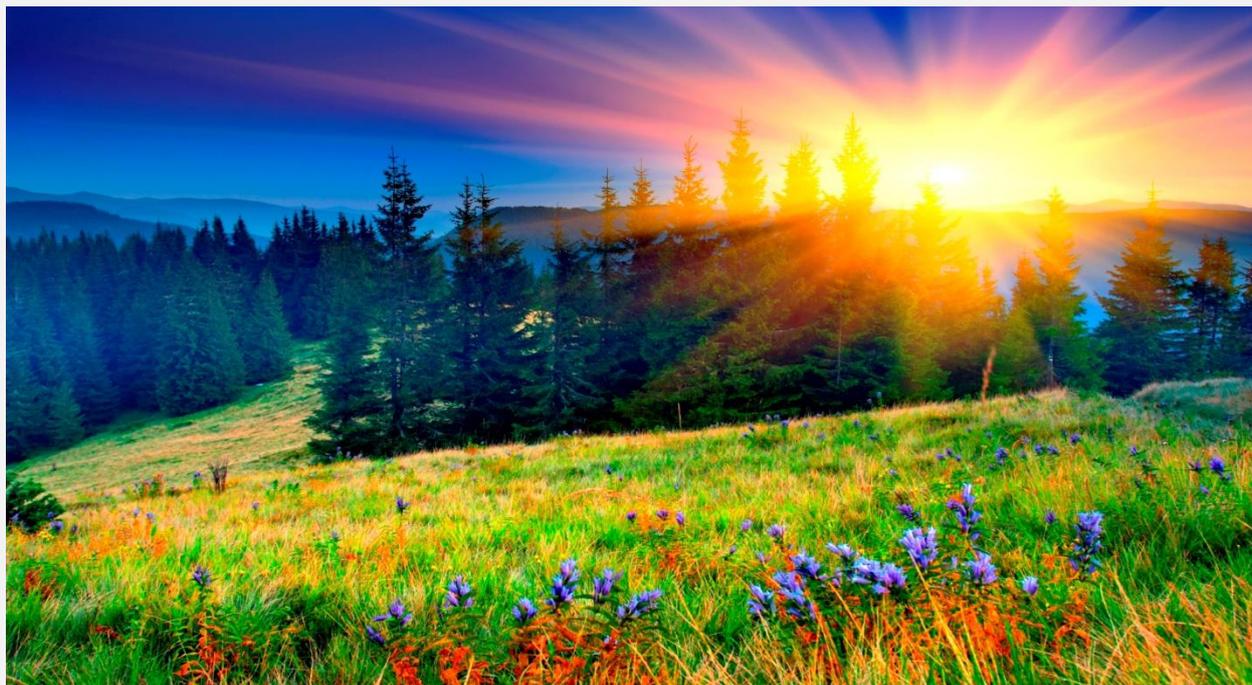
«Синий свет небес. Синий дым над горами. Перетомленная в летнем зное, дышит миротворно земля спелостью трав и лесов, дышит, будто сдобный каравай, вынутый из русской печки».

Автор воспринимает живой даже саму землю: она «дышит, перетомленная... зноем», и ее дыхание «миротворно», потому что дало миру травы и леса, которые теперь спели. Автор проводит параллель не только с жизнью человека, но и с крестьянским бытом: земля похожа на «сдобный каравай, вынутый из русской печки». Они такая же горячая, мягкая, так же дышит, так же дает жизнь.

Описание следующего пейзажа воспринимается даже несколько фантастично:

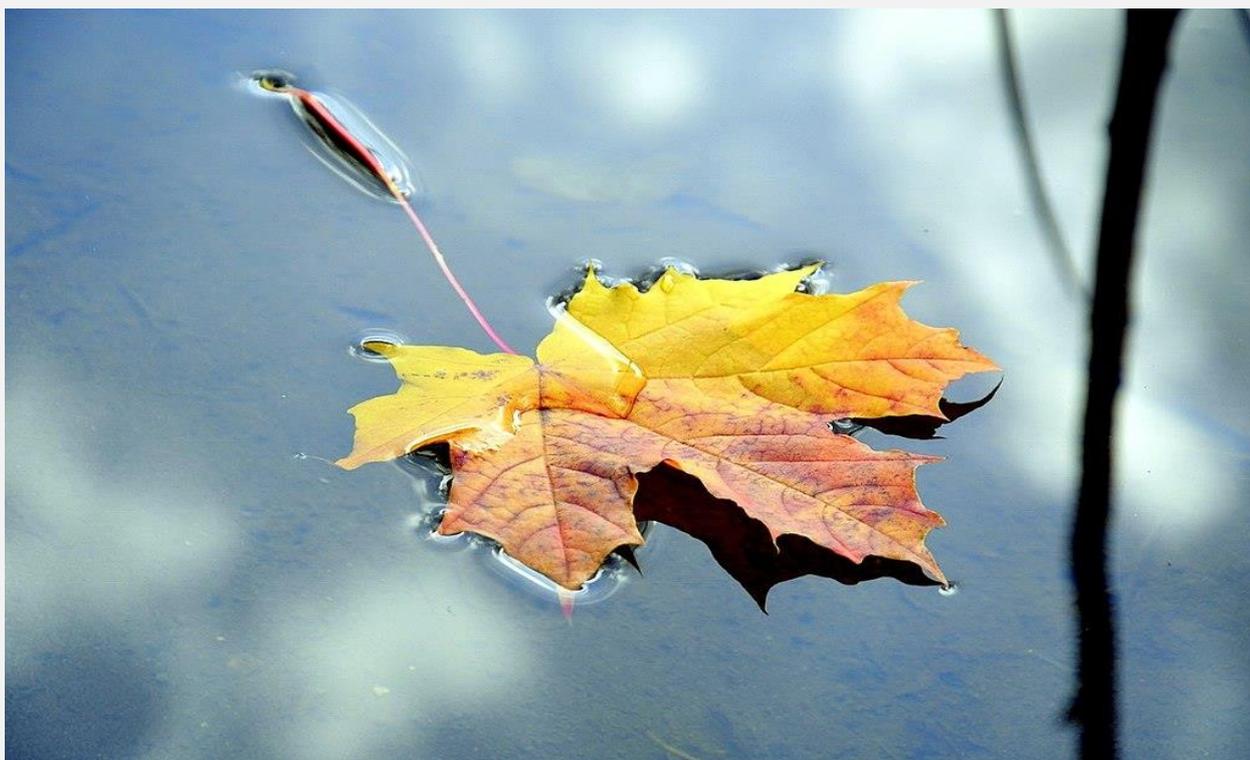
«...Солнце выкатилось на горб сопки, ударило лучами по облакам и густым туманам. Снег засверкал на вершине, облака потускнели, нехотя сползли в ущелья, и мир разделился надвое. Вверху были сопки, с белыми зайцами на спинах, все в солнечном сиянии, все в сверкании. А внизу все затоплено, закрыто.

Это был тот час, когда неживая чернота сопок и осыпей окутывалась призрачным дымком и сопки не отпугивали, а манили к себе этой призрачной загадочностью».

Темой затеси **«Падение листа»** стало знакомое всем событие в природе – листопад. Это явление сотни раз описано в литературе. Но В. П. Астафьев увидел в этом явлении новое и глубокое:

«Притихла земля. Притихли леса и горы. Воссияло всей глубиной небо, чтоб отражение листа в нем было нескончаемо, чтоб отпечатался его лик в беспредельности мироздания, чтоб сама земля, приняв форму листа, похожего на слабое человеческое сердце, легко и празднично кружилась среди звезд, планет и там продолжилась в стремительном движении неведомых нам миров».

В затеси **«И прахом своим»** мы видим встречу писателя в тонкоствольном осиннике с серым пнем, из сердца которого растет тоненькая елочка:

23

«...елочка ловко устроилась на пеньке. Она веером развернула липкие ниточки корешков, а главный корешок белым шильцем впился в середину пня. Мелкие корешки сосали влагу из мха, и потому он был такой линялый, а корешок центральной ввинчивался в пень, добывая пропитание».

Эта тоненькая елочка вступила в трудную борьбу за жизнь! Она будет расти из самого сердца того, кто, возможно, был ее родителем, кто даже после смерти своей хранил и вскарммливал дитя.

24

В одной из затесей **«Сильный колос»** писатель пишет:

«... сделалось видно высокую рожь со сплюсненным колосом. Она переливалась под ветром, шумела молодо и беззаботно. Но однажды налетела буря с крупным дождем и градом. Еще жидкую и нестойкую рожь на взгорьях прижало к земле», «были провалы в густой и высокой ржи, словно раны. Лень ото дня все горестней темнели и запекались они в безмолвной боли».

Но природа помогла колосьям. Пригревало и пригревало солнце, сохла земля в поле, и вот уже усы пустили колосья, накололи их на солнце. Колосья оказались стойкими и «раны на поле постепенно закрылись, ровное оно сделалось и безоглядное».

Читая, мы словно слышим призыв: «Человек, будь стойким, борись за жизнь, борись за возможность к росту, развитию! Используй для этого любую возможность!» Не раз раскрывает автор в затесях тему борьбы за жизнь!

Одна из таких затесей – **«Марьины коренья»**.

25 ▶ *«...Цветы стоят, как детишки в ярких шапочках с завязанными ушами, и не дают холоду сжечь семена. И лепестки у цветов с проседью, и мясисты они, толсты. Вся сила этого цвета идет на то, чтобы сберечь семена, и они не откроются во всю ширь, не зазеваются на приветливо сияющее солнце. Они не доверяют этому солнцу. Они слишком много перенесли, прежде чем пробудились от зябкого сна среди голых, прокаленных стужею камней».*

«Пройдут годы, и плеснут на осыпи всполохи ярких, багровых цветов. А пока их здесь всего три, мужественных, непокорных цветка, и в них залог будущей красоты».

«Первые солдаты тайги, согнутые, но непокоренные, иссушенные голодом и мертвящим дыханием скал, принимающие на свою грудь всю лютость севера ради лесов, что идут за ними, – низкий поклон им от бывшего солдата российского, который знает, как трудно быть первым».

К числу последних относится миниатюра **«Есенина поют»**. Она не входит в уральский период, но особенно музыкальна, несмотря на публицистические вкрапления, тональность и ритм миниатюры задают есенинские строчки: «Над окошком месяц. Под окошком ветер. Облетевший тополь серебрист и светел...». И далее описывается восприятие героем миниатюры этих строк, которому хочется покаяться перед всем миром и «вырвать всю горечь, какая есть в сердце», а поводов для такой тоски хоть отбавляй.

«И от пальцев рук, ног, от корешков волос, из каждой клеточки тела поднимается к сердцу капелька крови, колет его, наполняет слезами и горьким восторгом, хочется куда-то побежать, обнять кого-нибудь живого, покаяться перед всем миром или забиться в угол и вырвать всю горечь, какая есть в сердце...».

26

Такое воздействие оказывала эта песня на автора. Под песни Есенина Астафьев размышляет о жизни деревни.

«И лежит без конца и края, в лесах и перелесках, среди хлебов и льнов, возле рек и озер, с умолкшей церковью посередине, оплаканная русским певцом Россия.

Смолкни, военная труба! Уймись, велеречивый оратор! Не кривляйтесь, новомодные ревуны! Выключите магнитофоны и транзисторы, ребята!

Шапки долой, Россия!

Есенина поют!»

В предисловии к очередному изданию своей книги «Затеси» В. Астафьев пишет:

«... в любом возрасте у человека, тем более у творческого, есть желание запомнить и рассказать достоверно, в узком кругу, увиденное, поразившее воображение, интересные факты из жизни, истории или явлений природы, дорожные впечатления, мимолетные разговоры, просто поделиться интересной мыслью, мелькнувшей или застрявшей в голове...».

27

Именно желание высказаться, поделиться опытом побуждает писателя искать все новые пути к читателю.

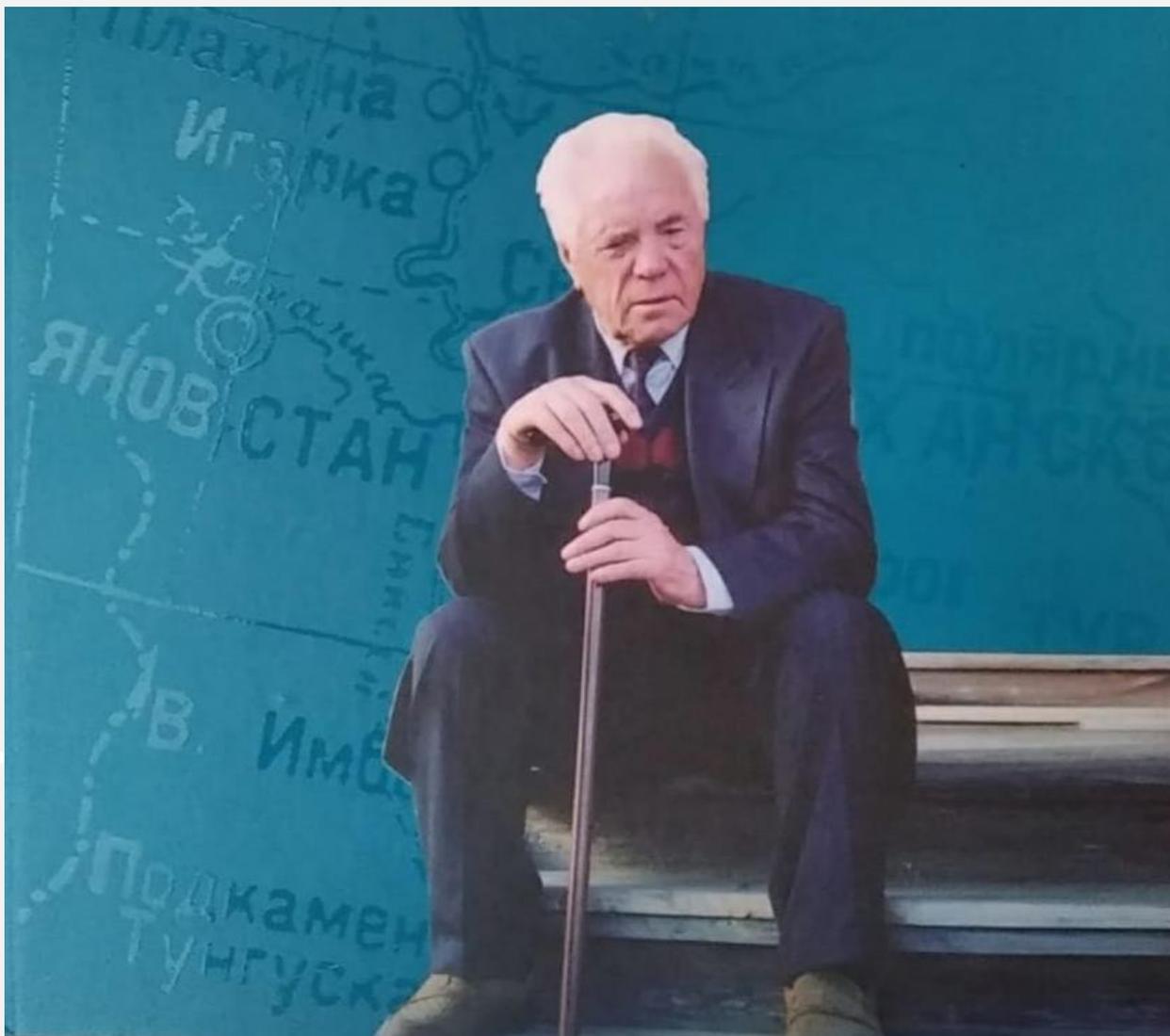
Живя на Урале, Виктор Астафьев занимался охотой и рыбалкой. Он исходил многие километры по дорогам и бездорожью, долгие часы проводил с удочкой на берегу уральских рек. И в его рассказах перед читателями встает природа нашего края – прекрасная, мощная тайга, вольные, могучие реки... Рассказы В. П. Астафьева – настоящая поэтическая энциклопедия уральской природы. Мир тайги в произведениях Астафьева предстает перед нами как живой образ. Подобно людям, у всех обитателей этого мира есть чувства, свой характер, своя душа.

Китайский поэт Пан Юйлян с большим пиететом отзывается о сборнике «Затеси». В своём эссе «Земля, слезами политая» он пишет:

«Я знаю, что, следуя за Астафьевым, не заблудишься... а оставленные им затеси светятся, как капли мёда. Те капли, похожие на светлячков, всегда всплывают перед моими глазами!.. Те затеси вместе с огоньками кажутся такими живыми и добрыми, будто они зовут меня, ведут меня в глубину жизни...»

Связь времен

29

«Астафьев – писатель редкостного умения вглядываться в жизнь людей, подмечать в ней всё, судить это подмеченное, размышлять о нём и сочувствовать человеческой душе». Михаил Дудин

Писатель в своих произведениях поднимает не менее важный вопрос – экология души. «Забылся в человеке человек!» – говорит В.П. Астафьев. Разорваны невидимые связи человека и природы, человека и человека. Автор убежден в том, что связь времен могут сохранить только человеческие отношения и участие.

Виктор Астафьев принимал участие в судьбе наших талантливых земляков. Мы расскажем о последней земной затеси Виктора Астафьева – сочувствие человеческой душе.

Удивительная судьба Вячеслава Шишкова, автора «Угрюм-реки»

Каждый год с ранней весны до глубокой осени Шишков проводил экспедиции на сибирских реках. Изучал Иртыш, Енисей, Ангару, Лену, Катунь, Чулыму, Обь, Бию, Нижнюю Тунгуску.

На Нижней Тунгуске Шишков встретил людей, которых сделал потом прототипами героев «Угрюм-реки». Политических ссыльных, проводников-тунгусов Сенкичу и Гирманчу, лоцмана Фаркова... А сама Нижняя Тунгуска угадывается в собирательном образе Угрюм-реки.

В экспедиции 1911 года Шишков умудрился записать 87 услышанных от местных жителей песен и былин!

В 1912 году они были изданы Иркутским географическим обществом.

30 И именно там он услышал название «Угрюм-река». Одна песня началась словами: «Уж ты, матушка, Угрюм-река...». «Угрюм-река», по мнению самого писателя, является основным произведением в его творчестве: «Угрюм-река – это та вещь, ради которой я родился».

«Угрюм-река – жизнь, сделав крутой поворот от скалы с пошатнувшейся башней, текла к океану времен, в беспредельность».

Образ реки неразрывен с образом тайги: «Тайга спит. Река дремотно катит свои воды, шурша стеклом новорожденных льдин».

Они не встречались при жизни. Астафьев восхищался его романом и считал, что писатель заслуживает того, чтобы читатель знал все его произведения:

«Вам-то хорошо известно, что ещё при жизни Шишкова издавалось двенадцать томов его сочинений – это, если мне память не изменяет, ещё до написания им «Угрюм-реки» и «Пугачёва». Так неужели же сейчас нельзя было сделать хотя бы двенадцатитомник? Снова не вклю-

чён в издание роман «Ватага», снова нет ряда малоизвестных произведений Вячеслава Шишкова...

31 ...Шишкова читают, да ещё как!

Все последние издания «Угрюм-реки», а их было довольно много, в нашей районной библиотеке постоянно на руках. А тут народ в основном трудовой живёт и если уж что читает, так, значит, это действительно интересно. Пустяки тут не любят читать.

И всё-таки знают Шишкова больше как автора «Угрюм-реки». Слов нет, это книга книг, и я уверен, что ещё придут такие времена, когда по ней будут изучать историю русского капитализма, но не должно так быть, чтобы знали у нас Шишкова только наполовину. Писатель этот достоин того, чтобы его знали лучше, читали больше...»

Переписка Н. Н. Яновского (литературный критик) с В. П. Астафьевым

Ещё один постоянный сюжет переписки – обмен книгами, вновь вышедшими и готовящимися выйти. В. Астафьев шлёт Н. Яновскому рукопись «Зрячего посоха», «свежие» книги «Затесей», «Последнего поклона», томов первого собрания сочинений; Н. Яновский – рукопись книги «Виктор Астафьев», тома ЛНС, о Вяч. Шишкове и самого Вяч.

Шишкова. С гордостью называет себя «шишковистом», имея на своём счету изданные в Москве книги «Воспоминания о Вячеславе Шишкове» и «Очерк творчества» писателя, крамольные «Ватагу» и «Дикольче», вышедшие благодаря ему отдельными изданиями.

Но предметом особой гордости явилась книга «Вячеслав Шишков. Очерк творчества» – 280-страничная, где критик, как он пишет, по сути, заново прочёл писателя. Ещё в 1979 г., в письме от 14.11, целиком ему посвящённом, Н. Яновский перечисляет свои заслуги в изучении В. Шишкова: выявил значение его сатиры, «реабилитировал» «Ватагу» и «Дикольче», «до сего дня погребённую в периодике», «утрясал все дела» с монографией о В. Шишкове, создававшейся параллельно с книгой о В. Астафьеве.

Он жил и писал сердцем

32

Его называли уральским Пришвиным. Хотя сам Николай Григорьевич не любил этого. И резонно. Он не был подобием. Он был самодостаточен и остаётся уникален – в своих, переживших десятилетия, книгах «Созвездие кактусов», «След рыси», тех же «Певчих птицах».

Если знать только их (не «Весталку», не «Стальные солдаты»), возникает даже предположение: он не был социальным писателем, «его» жанр – поэма в прозе. Его писательская философия – эстетическое восприятие природы...

Он писал о себе: *«Историк по образованию, литератор по профессии, биолог по призванию»*. Но литература объединила все иные его страсти и увлечения.

Очень значимым для В.П. Астафьева уральского периода было дружеское общение и творческое соперничество с **Н.Г. Никоновым**. Но и Николай Григорьевич, возможно, не был бы так амбициозен и успе-

шен в своих творческих притязаниях, если б не постоянный пример Астафьева, смело перешагивающего через заградительные барьеры литературных канонов и общепринятых представлений. Виктор Астафьев, бывая в Свердловске, заходил к Никонову в гости.

В цикле «Лесные дни» Никонов видит природу в красках. Нелишне напомнить, что в юности писатель хотел стать живописцем, но карьере художника помешало неполное цветоощущение. Однако любовь к краскам, понимание цвета сохранились в его творчестве до последних произведений. Красочные пейзажи – привлекательная особенность рассказов из цикла «Лесные дни». Никонов передает цвета и оттенки увядающей природы в новелле «Страницы осени». Опадающая листва бывает не только желтой, но красной, багряной, золотой, малиновой, охристой...

«Осенние дни зовут в лес. Летом за устойчивым теплом и зеленью как-то не замечаешь течения времени. Зато сейчас каждый лист, падающий в траву у забора, напоминает о бегущей жизни.

И начинаешь думать, что где-то на зорях холодеют поля, последние цветы дремлют под ледяными росами на омежьях, где-то уже сыплет листопад, и отлетные стаи держат в поднебесье свой неразгаданный путь...

И каждую осень страдаешь от сознания того, что не достанет сил охватить все величие образов и чувств, которые рождает осенний ветер и высветленное им прохладное небо...»

Уральские записки

34 В литературу Александр Филиппович, как и многие тогда, пришел из технарей: работал инженером проектного отдела, руководителем групп в институтах Промэнергопроект и Водоканалпроект, забойщиком на шахте Березовского рудника, инженером центральной лаборатории на Синарском трубном заводе. Окончил Высшие сценарные курсы СК СССР.

Начинающий автор предпринимает попытки познакомиться со своим творчеством известных, уважаемых им писателей. Вот что вспоминал в 1982 году по этому поводу писатель Виктор Петрович Астафьев:

«Много лет подряд, читая рукописи молодых уральских авторов, я с нетерпением ждал и верил, что появится, не может не появиться из богатейшей языковой стихии, из самобытной жизни, из шибко, наконец, потревоженной и подпорченной индустрией, но все еще не потерявшей очарования природы «свой», истинный художник.

И вот из стародавнего поселка Монетный, что под Свердловском, стали приходить ко мне рукописи от Александра Филипповича, и я сразу же не то чтобы угадал, а почувствовал: вот оно то, что ждут наши читатели, особенно на Урале. В повестях и рассказах Филиппович, еще сырых тогда, порой неуклюжих по форме, было совершенно точное, осязаемое ощущение «уральского климата».

Не квасной провинциальный патриотизм я понимаю под этим, и даже не географическое местонахождение автора, хотя и это очень важно для пишущего человека – быть в центре земли и житейских проблем – однако, прежде всего и главней всего для писателя – строение речи, звучание языка и затем уже абсолютное видение уклада жизни, пейзажа, чувство трудового ритма, который лишь стороннему глазу может показаться вяловатым, полусонным, на самом деле все, что свойственно жизни всей страны, неотделимо от судьбы любого, пусть и задряхлевшего, поселка, неразрывно с судьбой каждого его жителя, молодого или доживающего свой век».

Так Виктор Астафьев стал для нашего уральского писателя наставником в большой литературе, помогал издавать его самобытные произведения. В 1977 году Александра Филипповича принимают в Союз советских писателей. Его книги «Берег», «Билет в один конец», Тихий свет», «**Стая**», изданные на Урале и в Москве, были высоко оценены критикой и тепло встречены читателем.

«Стаю вела мать. Сразу же за ней шел он, переярок, которому предстояло скоро заводить свою отдельную семью. Следом за ним – остальные его братья и сестры, и замыкал строй, ковыляя и отставая, отец с давным-давно покалеченной в капкане передней лапой, которая хоть и убавила ему в ходу ловкости, да зато на всю жизнь дала столько великого чутья-уменья, что с того рокового утра, как он получил увечье, всегда с успехом вводил стаю и от самих людей, и неизменно успевал вовремя разгадывать все их тайны и хитрости, от отрав до засад с самыми коварными ловушками.

36 Снегу было еще мало. Ровная и серая утренняя равнина, по которой они приближались к черневшим впереди, глухо заросшим оврагам, была пустынна и гулка, задавляя всякий опасный звук. Все было как обычно. И по-обычному слышался один далекий и высокий гул, производимый машинами людей, которые уже давно приспособились летать над этими равнинами. Ничего не предвещало скорой опасности, как вдруг гул машины усилился до грохота, резко обрушившегося вниз, и вот тогда-то раздались сверху частые выстрелы, будто хлесткие встрески молний, разрывающих воздух...»

Свою заветную книгу в жанре «роман-сказ», названную совсем не по-советски «Житие», писатель не успел увидеть опубликованной (он умер от рака, не дожив пару лет до пятидесяти). Она была издана в начале перестройки, но осталась в то бурное время незамеченной и неоцененной.

Уральский адрес Виктора Астафьева

Среди российских адресов, связанных с именем Астафьева, город на Нице не на последнем месте. Виктор Петрович не раз бывал в Ирбите (в 60-е годы), встречался с ирбитскими читателями в городской библиотеке. В «Восходе» неоднократно печатались отрывки из его *произведений*.

В Ирбит писатель приезжал к друзьям-библиотекарям во главе с Н. В. Барминым, коллеге-писателю Ивану Ивановичу Акулову, который частенько гостил в родном зауральском городке...

В канун 70-летия И.И. Акулова (в 1992 году) от В. П. Астафьева пришло письмо ирбитчанину – местному поэту Владимиру Андреевичу Лаптеву, другу Ивана Ивановича:

37 «Я, начиная с «Варнака», всегда высоко ценил писателя Акулова и, где было возможно, говорил об этом. «Касьяна» и «Крещение» считаю выдающимися в советской литературе книгами, особенно «Касьяна». Даю его читать всем близким мне людям; все хвалят, все ахают, но судьба писателя остается в тени, как долго оставался в неизвестности Константин Воробьев... Бывал у Ивана на даче, изредка встречались в толчее съездов или собраний каких-либо, и я видел, как одиноко ему было в столице. Все же напрасно он остался... в Москве. Лучше все же быть первым женихом в деревне, чем последним кавалером в городе. Я не раз себя похвалил за то, что убрался из столицы после курсов. Давно бы там помер, и могилка затерялась бы и заросла крапивой. А я вот живу на родине, пишу из родной деревни и собираюсь еще что-то делать.

Я говорил Ивану об этом и даже маленько ворчал, а надо было ругаться, настаивать, чтобы он не временно бывал под Ирбитом, но постоянно. «Не смогу я там, подохну с тоски». Как будто Витя, живя в глухой уральской или вологодской деревушке, не пропадал с тоски. Хотел даже застрелиться, да глушил тоску работой. Собирался «домой» (в Овсянку Красноярского края) всю жизнь и вот десять лет как в Сибири, в своей избе. Успокоился, никого и ничего мне не надо, кроме ребятешек и жены, довольствуюсь всем, что у меня есть и мечтаю за-

кончить роман о войне... Стараюсь по возможности меньше болтать и суетиться. От этого деревня хорошо спасает, хоть она и близко от города, а все же не каждый и не всякий достанет здесь, хоть и мешают изо всех сил... Царство небесное Ивану, и пусть земля ему будет пухом. Он окропил ее и слезами, и кровью».

Летописец крестьянской Атлантиды

«Книги мои – огромные главы одной, незавершённой летописи о русском крестьянстве», – говорил уральский писатель Иван Иванович Акулов.

Он «думал» романами. И говорил о себе, что «перед лицом истории народа маленький я человек».

В сентябре 1966 года Виктор Астафьев признался критику Александру Макарову: *«Я читал роман Ивана Акулова «В вечном долгу», напечатанный в первых номерах «Урала». Опять колхозы, опять горе, голод, несправедливости и прочее. Язык хороший, добрый, но... Но лет бы пятнадцать раньше ему появиться!..».*

Позже Акулов обратился, как и Астафьев, к своим фронтовым впечатлениям и написал роман «Крещение». Как считал друг писателя, эта книга *«выделяется той неподкупной объективной правдой, в которой, как в монолите, соединено трагическое и героическое.*

Такое мог создать только одарённый художник слова, лично прошедший через шквал огня и металла, через окропленные кровью морозные снега, не однажды видевший смерть в лицо».

Иван Акулов любовался природой уральского края и не только «думал» романами, но и «рисовал» романами. Роман **«Касьян остудный»** начинается с зарисовки:

«В вершине лета совсем неожиданно, как потеря, откричала кукушка, и можно было поверить крестьянскому календарю,

что птица подавилась ячменным колосом, потому что раньше сроков выколосились и затяжелели яровые, а озимая рожь по теплым косогорам так вылиняла, что ржаные поля лежали, словно отбеленные холсты, выстланные бабами на солнце.

Задолго до петровок подошли и травы.

А на засоренных опушках и омежьях, где воля всякой дикоросли, выбросили семена и стали вянуть полевая рябинка и ранний чернобыльник. Воздух вдруг прогорк, луга забродили горьким медом, и даже коровье молоко стало отдавать знойной пылью».

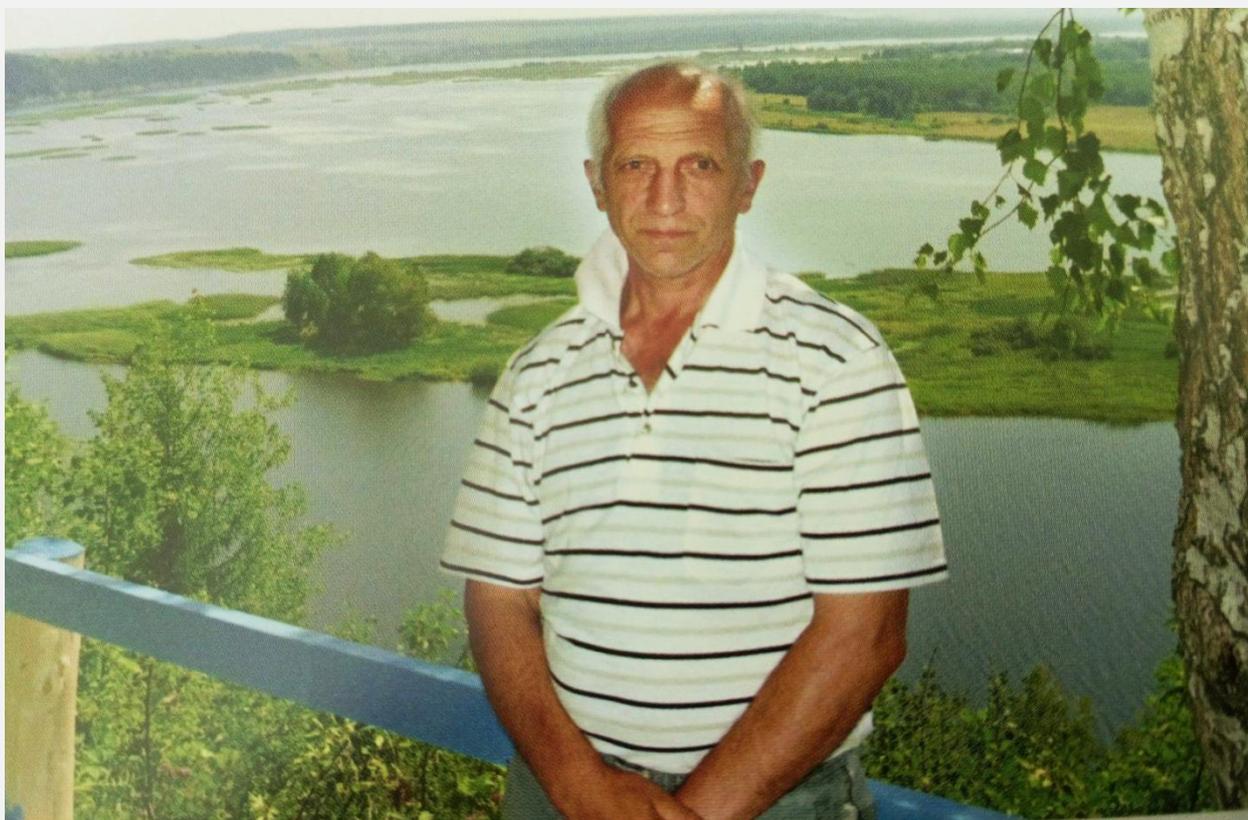

Виктор Петрович дважды приезжал в Ирбит, в 1963 и 1966 годы. Встречался писатель с ирбитскими читателями в Центральной городской библиотеке, с сотрудниками редакции газеты «Восход», а также с учащимися школы № 1. Судя по воспоминаниям ирбитчан, Виктор Петрович Астафьев запомнился внимательным, душевным, чутким человеком и интересным собеседником.

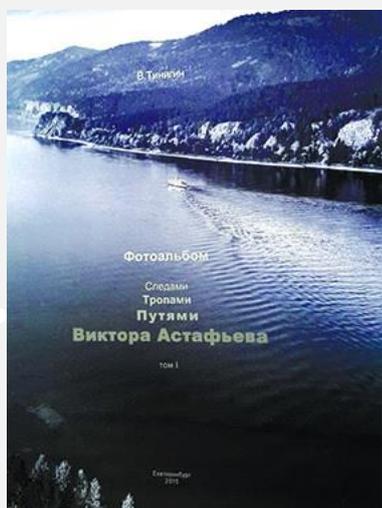
Встреча с писателем В. Астафьевым. Ирбит. 1963 г.

40 «Следами, тропами, путями Виктора Астафьева»

Завершает наш рассказ о пересечении судеб наших земляков с Виктором Астафьевым **Виктор Тинигин** – краснотурьинец, литератор, фотограф и исследователь творчества Виктора Астафьева. Он в 1991 году познакомился с писателем лично и с тех пор неоднократно был у него в гостях. В некоторых книгах Астафьева даже опубликованы фотографии Виктора Адамовича.

В 1991 году судьба познакомила и подружила его Виктором Астафьевым. С тех пор В. Тинигин не раз бывал на родине писателя, а некоторые книги Виктора Астафьева иллюстрированы фотографиями Тинигина. Результат многолетней дружбы Тинигина и Астафьева – красочный двухтомный фотоальбом «Следами, тропами, путями Виктор Астафьева».

Автор в предисловии говорит, что при работе над изданием пришлось не только пройти, проехать, проплыть и пролететь бесчисленные километры по следам писателя, но и заново прочесть всё, что написано Виктором Петровичем и его женой Марией Семёновной, критиками и исследователями творчества В. Астафьева.

А комментарии к фотографиям – это бережно отобранное самое сокровенное и важное из произведений и переписки.

«Путеводителем были его книги, я брал в путешествие книги. Я когда плыл, ехал или шёл, обязательно перед этим читал, где мне что нужно сделать. Не просто где-то что-то накидать фотографии и всё. Это именно то самое место, которое Виктор Петрович описал», – рассказывает фотохудожник Виктор Тинигин.

Предлагаем читателям познакомиться с некоторыми фотографиями из уникального издания.

42 Как сообщают в краснотурьинском краеведческом музее, презентация фотоальбомов прошла уже в нескольких городах России, работа краснотурьинского литератора была высоко оценена читателями и литературными критиками.

Прекрасное двухтомное издание рассказывает читателям о местах, связанных с жизнью и творчеством Виктора Петровича Астафьева и его жены Марии Семёновны Корякиной.

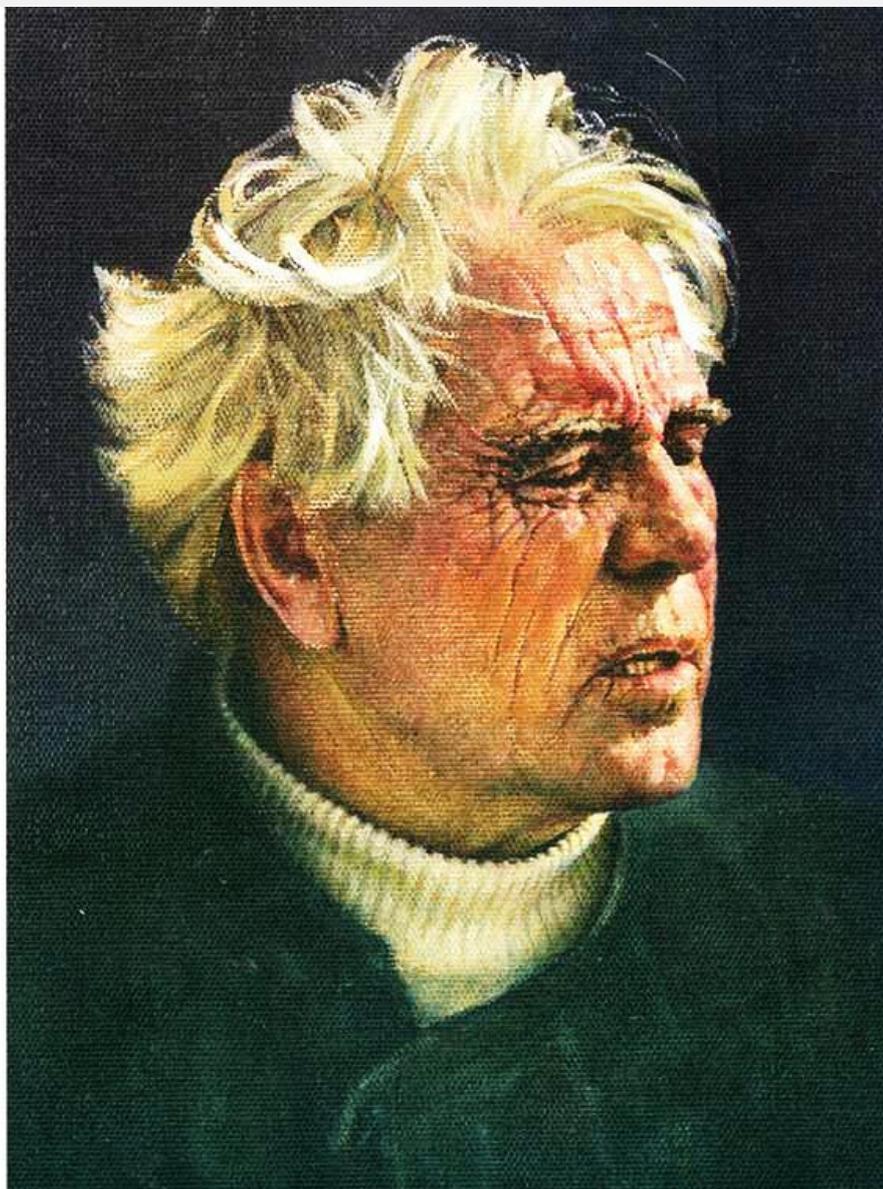
44

В альбоме представлены яркие живописные фотографии реки Чусовая, Перми, Вологды, Красноярска, деревни Овсянка и многие другие.

Виктор Тинигин стал лауреатом литературной премии Астафьева в 2023 году. Фотохудожнику и исследователю творчества Астафьева Виктору Тинигину из города Карпинска Свердловской области была вручена премия в номинации **«Подвижничество. За сохранение писательского наследия»**.

ПОСЛЕДНИЙ ПОКЛОН ВИКТОРУ АСТАФЬЕВУ
ПРОЩАНИЕ

«Могучий он был человек – и духа могучего, и таланта!» В. Распутин
Известный писатель Е. Носов сказал: «Если вы хотите увидеть Астафьева в самой сокровенной его сущности, откройте его книги и углубитесь в них. Там он весь, без щитов и забрал, полный трепета, любви и сострадания ко всему живому, полный дум и забот о вашем сегодняшнем и завтрашнем бытии».

«Художником чистого золота» назвал Астафьева Юрий Бондарев.

Время всегда быстротечно,

В нем короток жизни миг

Астафьев звучать будет вечно

В страницах написанных книг

О. Глазырина. «Памяти Виктора Петровича Астафьева»

Список использованных источников

Сибиряк, Игорь. Страшный реализм В. П. Астафьева / Игорь Сибиряк. – Текст : электронный // Проза.ру : [сайт]. – 2000–2024. – URL: <https://proza.ru/2023/11/12/976> (дата обращения: 22.05.2024).

Буренко, Светлана. «100 фактов об Астафьеве»: повесть «Стародуб» дала название первой зарубежной книге писателя, которая вышла в Чехословакии / Светлана Буренко. – Текст : электронный // Наш Красноярский край : сетевое издание. – 2010–2024. – URL: <https://gnkk.ru/articles/100-faktov-ob-astafeve-govest-staro> (дата обращения: 22.05.2024).

Астафьев Виктор Петрович. – Текст : электронный // Ирбитский краеведческий портал. – МБУК ГО г. Ирбит «Библиотечная система», 2019–2024. – URL: <https://kraeved.biblio-irbit.ru/literaturnaya-karta-irbita/astafev-viktor-petrovich> (дата обращения: 22.05.2024).

47 Васина Е. В. «И вечная моя боль за Россию...» : к 95-летию со дня рождения В. П. Астафьева / Екатерина Владимировна Васина. – Текст : электронный // Липецкая областная универсальная научная библиотека. – 2024. – URL: <https://lib48.ru/virtual/i-vechnaya-moya-bol-za-rossiyu-k-95-letiyu-so-dnya-rozhdeniya-v-p-astafeva> (дата обращения: 22.05.2024).

Ознакомительное издание

**УРАЛ – ПИСАТЕЛЬСКАЯ РОДИНА
ВИКТОРА АСТАФЬЕВА**

составитель О. И. Калинина

Государственное бюджетное учреждение культуры
Свердловской области
«Свердловская областная межнациональная библиотека»
620146, г. Екатеринбург, ул. Академика Бардина, 28
тел.: + 7 (343) 211-07-00
сайт: www.somb.ru

